Мое воспоминаніе о поѣздкѣ къ о. Іоанну въ Кронштадтъ.

Въ прошломъ 1895 году на первой седмицѣ св. четыредесятницы Господь судилъ мнѣ побывать къ Кронштадтѣ, и я не могу удержаться, чтобы не подѣлиться съ читателями Епархіальныхъ Вѣдомостей тѣми сильными чувствами сердечнаго восторга и неизъяснимаго благоговѣнія, какими проникнута моя душа къ свѣтлому образу о. Іоанна—этого кроткаго и смиреннаго пастыря, слабаго по внѣшнему виду, но сильнаго и могучаго по внутреннему строю своей глубоко—вѣрующей души. Много было писано и говорено объ о. Іоаннѣ, но я не смущаюсь этимъ и питаю надежду,

что и сей слабый голосъ будетъ не лишнимъ въ общемъ громогласномъ хорѣ достойно-прославляющихъ о. Іоанна его усердныхъ почитателей, къ числу которыхъ имѣю смѣлость причислить и себя....

Итакъ, съ Божіей помощью, я начинаю излагать свои впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ Кронштадта вообще, а изъ общей исповѣди, даваемой о. Іоанномъ многотысячной толпѣ народа, въ особенности. Эта исповѣдь и проповѣди, произносимыя при ней нашимъ мудрымъ наставникомъ, никогда, никогда не могутъ изгладиться изъ сердца и памяти тѣхъ, кто хотя одинъ разъ имѣлъ счастіе слышать ихъ.

Давно я всей душей стремился побывать въ Кронштадтѣ, чтобы хоть разъ взглянуть на того батюшку, который служитъ предметомъ любви всего русскаго народа. О, какую, поэтому, радость ощущалъ я, когда мнѣ представилась возможность въ прошломъ году на первой седмицѣ поста не только увидѣть о. Іоанна въ Кронштадтѣ, но и бесѣдовать съ нимъ, испытать на себѣ поразительную силу его общей исповѣди,—овладѣвающей всѣмъ существомъ исповѣдывающихся, размягчающей сердца ожесточенныя,—и, наконецъ, сподобиться благодатнаго принятія Тѣла и Крови Христовыхъ изъ рукъ возлюбленнаго пастыря! Свое говѣніе я началъ въ Петербургѣ, бывая за каждой отдѣльной службой въ иномъ храмѣ, желая посѣтить возможно большее количество ихъ. Въ Кронштадтъ же я отправился въ четвергъ—по окончаніи часовъ въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ я въ тотъ день стоялъ и утреню. По прибытіи въ Кронштадтъ, я направился въ домъ трудолюбія, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ и почелъ до субботы. Въ одной со мною комнатѣ, съ моего согласія, былъ крестьянинъ, пріѣхавшій изъ Владимірской губерніи поговѣть у о. Іоанна. Долго пробесѣдовавъ съ нимъ преимущественно объ о. Іоаннѣ, я заснулъ и, подъ вліяніемъ ведепныхъ съ вечера разговоровъ, увидѣлъ во снѣ о. Іоанна—служащимъ въ нашемъ Покровскомъ соборѣ. Это пріятное сновидѣніе было прервано въ 5 ч. утра звономъ къ утрени. Я тотчасъ всталъ и вышелъ изъ дома трудолюбія. Погода въ это утро была самая неблагопріятная: шелъ мокрый снѣгъ, и сильнѣйшій вѣтеръ едва позволялъ удерживаться на ногахъ, но, не смотря на такую погоду, рѣдко кто изъ богомольцевъ спѣшилъ въ Андреевскій соборъ на призывные звуки колокола, а всѣ шли къ дому о. Іоанна, желая встрѣтить любимаго пастыря и проводить его до собора. Громадная толпа народа на-

полнила Андреевскую улицу, тѣснилась и жалась отъ утренняго холода, но никто не уходилъ,—никто не желалъ ради личнаго удобства лишить себя пріятной возможности—взглянуть хотя-бъ одну минуту на кроткое, полное духовной прелести, любви и милосердія, лицо дорогого батюшки. Пестра и разнообразна была эта ожидающая толпа богомольцевъ: здѣсь виднѣлся и важный баринъ, забывшій свою чопорную спѣсь, а рядомъ съ нимъ ютилась больная старушка, шепчущая молитву и вся проникнутая вѣрою въ благодатную силу молитвъ о. Іоанна; тутъ же тоскливо, задумчиво стояла, прижавшись къ стѣнѣ, блѣдная, худая женщина, въ рваномъ пальтишкѣ, плохо защищавшемъ ее отъ порывовъ сильнаго вѣтра. Невозможно описать всѣ личности этой многочисленной толпы, но по большей части она состояла изъ людей больныхъ тѣлесно или страдающихъ душевно, притекшихъ съ духовною жаждою сюда—къ источнику добра и милосердія, по волѣ Господней свѣтло протекающему среди мрачныхъ дебрей нашего многогрѣшнаго и многострастнаго міра. Ждать народу пришлось не долго, ибо дорогому батюшкѣ—этому неустанному труженику и заботнику о всѣхъ и о всемъ—цѣлъ времени предаваться долгому отдохновенію. Мгновенно распахнулись широкія ворота. Толпа дрогнула, заволновалась, и взоры всѣхъ съ любовію устремились въ глубину широкаго двора, откуда и выѣхалъ о. Іоаннъ, привѣтливо озирая народъ своими ясными, голубыми глазами. Тутъ и тамъ раздались крики: «Батюшка, благослови!»..... «Батюшка, помолись!», и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, бросилась бѣжать вслѣдъ за его экипажемъ, повторяя свои возгласы и ловя на лету его благословляющую руку. Народъ бѣжалъ вплоть до калитки, устроенной въ оградѣ позади собора, чрезъ которую о. Іоаннъ входитъ прямо въ алтарь. Умилительную картину увидѣлъ я у калитки: громадная толпа народа и здѣсь встрѣтила и окружила своего любимаго пастыря, спѣша на перерывъ другъ передъ другомъ получить его благословеніе, или хотя прикоснуться къ краю его одежды. Но въ порывѣ духовнаго рвенія народъ совершенно забывалъ всякую осторожность въ обращеніи съ батюшкою и давилъ, толкалъ его во всѣ стороны, не давая свободнаго прохода. Но, не смотря на толчки и давку, отовсюду стиснутый и стѣсняемый, о. Іоаннъ ни однимъ мускуломъ лица не выразилъ своего неудовольствія неосторожному народу, а терпѣливо съ кроткою улыбкою смотрѣлъ на суетящуюся толпу и не дѣлалъ

ни малѣйшей попытки вырваться изъ тѣсноты. О, какой великій духъ кротости и смиренія живетъ въ слабомъ по внѣшности тѣлѣ о. Іоанна!.

Едва пробравшись сквозь толпу, я вошелъ въ храмъ и тотчасъ услышалъ серебристый, прямо въ душу проникающій голосъ о. Іоанна, уже раздавшійся съ клироса и приводящій въ умиленіе сердца молящихся своимъ чуднымъ вдохновляющимъ выраженіемъ и искреннимъ сознаніемъ святости тѣхъ словъ, которыми усердный молитвенникъ прославлялъ Всевышняго. По окончаніи утрени, богомольцамъ было объявлено, что начало часовъ и литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ—въ 9 часовъ. Выйдя изъ собора, я прошелся по нѣсколькимъ улицамъ Кронштадта, но уже въ 8 час. поспѣшилъ опять въ церковь, желая занять мѣсто поближе къ амвону,—что и было мною достигнуто. Во время служенія часовъ о. Іоаннъ стоялъ на правомъ клиросѣ, а служащимъ былъ другой священникъ. За литургіей же, начавшейся безъ перерыва послѣ часовъ, въ сослуженіи съ о. Іоанномъ участвовали четыре пріѣзжихъ священника и одинъ діаконъ. Мое слабое перо не въ состояніи выразить вполнѣ ту торжественность, съ какою совершаетъ литургію о. Іоаннъ. Скажу лишь, что почувствованная искренность и благоговѣніе, охватывающія его при священнодѣйствіи, въ нѣкоторой мѣрѣ сообщились и мнѣ, и я нигдѣ и никогда не молился такъ искренно, какъ въ Кронштадтѣ. Одинъ видъ чтимаго пастыря, сіяющаго молитвеннымъ восторгомъ и облеченнаго въ блестящую, парчевую ризу, придающую его кроткому, точно юношескому лицу, какую-то неземную, духовную прелесть,—чудодѣйственнымъ образомъ вліяетъ на душу каждаго, невольно влагая въ сердце умилительное сознаніе святости переживаемаго часа, и наполненная восторгомъ душа жаждетъ, по слову св. Херувимской пѣсни, «оставить нынѣ всякое житейское попеченіе» и, унесшись помыслами къ Богу, устремиться всѣмъ существомъ своимъ туда, къ алтарю, гдѣ молится вмѣстѣ съ нами и за насъ нашъ добрый пастырь и молитвенникъ. Владиміръ Лебедевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Мое воспоминаніе о поѣздкѣ къ о. Іоанну въ Кронштадтъ.

(Продолженіе).*

Литургія окончилась и говѣющимъ было объявлено, что общая исповѣдь будетъ въ 9 ч. вечера, по возвращеніи о. Іоанна изъ Петербурга, куда онъ вскорѣ поѣдетъ, посѣтивъ предварительно, по ежедневному обыкновенію, свой домъ трудолюбія. Узнавъ объ этомъ, я поспѣшилъ въ домъ трудолюбія, гдѣ въ занимаемой мною комнатѣ старичекъ (который со мною почевалъ) хлопоталъ о приготовленіи для меня чая. Но, по моему настоянію, чаепитіе было нами отложено, такъ какъ всѣ съ минуты на минуту ожидали пріѣзда дорогого батюшки. — «Батюшка пріѣхалъ»! — раздался вдругъ чей-то голосъ въ корридорѣ, и неизъяснимая ра-

*) См. № XXI „Псков. Епарх. Вѣдомостей".

дость охватила все мое существо. Вслѣдъ за этимъ намъ было приказано запереть на ключъ дверь, выходящую изъ нашего номера въ коридоръ, въ устраненіе возможности вторженія оттуда толпы народа. (Кромѣ двери, ведущей въ коридоръ, въ нашемъ номерѣ по бокамъ было еще двѣ двери изъ сосѣднихъ номеровъ: въ одну входитъ о. Іоаннъ, въ другую выходитъ, такъ что онъ посѣщаетъ всѣ номера, расположенные по одной сторонѣ коридора, не появляясь ни разу въ коридоръ, гдѣ-бы его осаждалъ народъ). «Пріѣхалъ! дорогой нашъ пріѣхалъ»! твердилъ мой старичекъ-товарищъ. О, какъ мы были съ нимъ счастливы, предвкушая возможность видѣть вблизи себя—ненаглядную для насъ личность! Понятно, съ какимъ трепетомъ мы провели около получаса, ожидая появленія въ нашемъ номерѣ дорогого гостя, и вотъ... О, блаженная минута!.. правая боковая дверь широко распахнулась и онъ, нашъ дорогой покровитель, нашъ наставникъ и молитвенникъ, предсталъ предъ нами, во всей своей духовной красѣ, веселый, сіяющій, съ привѣтливою улыбкой любящаго отца на полномъ любви и милосердія симпатичномъ лицѣ. Кроткій взоръ его ясныхъ, голубыхъ глазъ съ любовію пронесся по нашимъ лицамъ, и тепло, радостно и задушевно онъ привѣтствовалъ насъ словами Спасителя, сказавъ: «Миръ вамъ»! Наложивъ свою благословляющую руку на мою голову, о. Іоаннъ прошелъ къ переднему углу и началъ служеніе краткаго молебна съ водосвятіемъ. Окончивъ молебенъ, о. Іоаннъ нашутъ нашъ провелъ въ разговоръ со мной, при чемъ подарилъ мнѣ свою фотографическую карточку, позволилъ присутствовать на другой день за литургіей въ алтарѣ и, преподавъ въ назиданіе нѣсколько словъ, которыя на вѣки останутся памятными для меня, еще разъ благословилъ насъ и прошелъ лѣвою дверью въ слѣдующій номеръ.—Во время разговора съ о. Іоанномъ я не слѣдилъ за собой, а всецѣло предался вниманію къ каждому его слову. По уходѣ же его, я весь дрожалъ и изъ глазъ моихъ градомъ полились слезы, въ причинѣ коихъ совершенно не могу самъ себѣ дать отчета. Спустя нѣсколько времени, успокоившись отъ своего волненія, я захотѣлъ еще разъ увидѣть о. Іоанна и съ этою цѣлію пошелъ въ нижній этажъ, гдѣ въ общемъ залѣ онъ всякій разъ, послѣ посѣщенія всѣхъ одиночныхъ номеровъ, служитъ молебенъ для простого люда и выслушиваетъ просьбы всякаго страдальца. Когда я вошелъ въ общій залъ, молебенъ уже начался, и не менѣе сотни богомольцевъ—

каждый непереривъ—стремились встать ближе къ о. Іоанну, чтобы не лишиться возможности (о. Іоаннъ начиналъ торопиться) высказать ему свою просьбу, получить слово утѣшенія, назиданія, а то такъ испросить и матеріальной помощи. По окончаніи молебна, о. Іоаннъ съ крестомъ въ рукахъ повернулся лицомъ къ народу и долго стоялъ, выслушивая различныя просьбы и мольбы подходящихъ къ нему больныхъ, страждущихъ и несчастныхъ. О, какъ много надо имѣть въ сердцѣ любви къ ближнему, чтобы такъ выслушать, понять, а главное откликнуться тепло и участливо на всѣ эти отрывочныя, робкія мольбы страдающихъ такъ или иначе людей,—какъ выслушивалъ ихъ о. Іоаннъ и тотчасъ же съ готовностію любящаго и сострадательнаго отца удовлетворялъ всѣ прошенія утешенныхъ недугами и скорбями духовныхъ чадъ своихъ. Боже мой! Какія житейскія драмы проходили тутъ одна за другою! Какія мрачныя картины жизни рисовались здѣсь, предъ лицомъ о. Іоанна!.. Вотъ представительница тяжкаго горя и безысходной нужды, бѣдная, плохо одѣтая женщина, съ жгучею болью стыда и боязни, подходитъ къ батюшкѣ и трепетно дрожащими устами умоляетъ его о милосердіи. Но здѣсь не нужно словъ, не нужно объясненій,—одинъ только молящій взоръ бѣдной женщины безъ всякихъ словъ обращаетъ уже къ себѣ чуткое къ людскимъ страданіямъ, участливое сердце о. Іоанна, и его щедрая, никогда не оскудѣвающая рука тотчасъ же подаетъ ей даръ милосердія, присовокупляя при этомъ благой совѣтъ: «не отчаиваться въ скорби и надѣяться на Господа». Обласканная, осчастливленная женщина горячими слезами благодарности облила милосердую руку своего благодѣтеля и въ порывѣ сердечнаго умиленія упала къ его ногамъ. Вслѣдъ за нею подводятъ больнаго, и ему было оказано благодѣяніе въ видѣ участливой, теплой молитвы, обращенной къ Богу о. Іоанномъ о здравіи больнаго. Длинною вереницею, еще и еще подходили люди съ различными мольбами, и никто не отошелъ неутѣшеннымъ, никто не плакалъ тутъ слезами скорби, хотя всѣ лица были мокры отъ слезъ,—но отъ слезъ умиленія, любви и благодарности къ своему утѣшителю и благодѣтелю.—Наконецъ о. Іоаннъ двинулся къ выходу, со всѣхъ сторонъ окруженный толпою безпредѣльно-любящаго его и глубоко-благодарнаго ему народа. До самаго экипажа проводилъ народъ дорогого гостя и, крестясь, со слезами благодарилъ Господа за неизреченные дары Его благодати, пролитые на землю чрезъ посред-

ство посѣтившаго насъ добраго пастыря, по Евангельскому слову Его пасущаго словесное стадо Христово. Прямо отъ насъ неустанный труженикъ о. Іоаннъ уѣхалъ въ Петербургъ, спѣша къ другимъ чадамъ своимъ, тоже скорбящимъ и болящимъ и одинаково дорогимъ его сострадательному сердцу. По отъѣздѣ его, Кронштадтъ точно опустѣлъ, замеръ и принялъ какой-то печальный видъ (такъ казалось мнѣ по крайней мѣрѣ). Не видно стало народныхъ массъ, стоявшихъ на углахъ и ожидавшихъ проѣзда батюшки, чтобы взглянуть, хотя одно мгновеніе, на дорогое для всѣхъ лицо его. Куда-то спрятались и нищіе, толпами бѣгающіе за его экипажемъ. Всѣ скрылись, всѣ разошлись по домамъ, но къ 8 час. вечера весь этотъ людъ снова высыпалъ изъ своихъ убѣжищъ и собрался къ дому о. Іоанна, чтобъ встрѣтить его, возвращающагося въ эти часы изъ Петербурга. Громадная толпа народа опять наполнила Андреевскую улицу и молча стояла въ терпѣливомъ ожиданіи.

Владиміръ Лебедевъ.

(Продолженіе будетъ).

Мое воспоминаніе о поѣздкѣ къ о. Іоанну въ Кронштадтъ.

(*Продолженіе**).

Въ половинѣ девятаго возвратился о. Іоаннъ изъ Петербурга и тотчасъ же раздался въ Андреевскомъ соборѣ звонъ къ общей исповѣди. Я поспѣшилъ въ церковь и не безъ великихъ усилій занялъ мѣсто впереди—не болѣе сажени разстоянія отъ амвона. Очень скоро на амвонъ вышелъ и о. Іоаннъ съ книгою въ рукахъ и, обратясь къ тысячной толпѣ народа, звучнымъ, твердымъ голосомъ пригласилъ предстоящихъ грѣшниковъ и грѣшницъ къ сердечному, искреннему и нелицемѣрному покаянію. Толпа сплотилась еще тѣснѣе, еще ближе придвинулась къ амвону, точно стадо заблудившихся овецъ, сознавая свою грѣховность передъ Богомъ, свою нечистоту духовную, и теперь, держа молить Господа о милосердіи и прощеніи,—искала предстательства и защиты у своего добраго пастыря.—Ясный, проникающій въ душу, голосъ о. Іоанна зазвучалъ слова надъ моремъ головъ человѣческихъ, призывая всѣхъ «сердечными ушами» выслушать молитвы покаянія. Прочитавъ по книгѣ первую молитву, о. Іоаннъ въ разъясненіе ея и примѣнительно къ ея содержанію говорилъ цѣлое поученіе, въ которомъ, обрисовавъ предъ нами краснорѣчиво и прочувствованно образъ Святѣйшаго и Всемилосердѣйшаго Господа, въ трогательныхъ выраженіяхъ просилъ предстоящую толпу искренно покаяться, слезами омыть нечистоту душевную и черезъ покаяніе примириться съ Богомъ, ибо согрѣшающій и нераскаивающійся человѣкъ отдаляется отъ Господа, враждуетъ съ Нимъ,

*) См. № XXII „Псков. Епарх. Вѣдомостей".

уходить отъ свѣтлой и спасительной любви Его и дѣлается угодникомъ діаволу—этому исконному врагу слабаго на искушенія рода человѣческаго. Далѣе о. Іоаннъ убѣждалъ народъ не смущаться множествомъ своихъ прегрѣшеній и не отчаиваться въ прощеніи безмѣрно—милостиваго Бога, отъ вѣка дарующаго прощеніе согрѣшающему человѣчеству. Въ доказательство же долготерпѣнія и милосердія Божія о. Іоаннъ приводилъ много спасительныхъ примѣровъ, наглядно указывающихъ спасеніе отчаявшемуся грѣшнику. За прочтеніемъ второй молитвы слѣдовало также объясненіе ея и проповѣдь, по окончаніи которой, обращая свой ясный, чистый взоръ на образъ Спасителя, о. Іоаннъ громко воскликнулъ: «величіе Твое безпрікладно и милость Твоя безмѣрна!» и началъ прочувствованно, пламенно молиться о помилованіи сихъ предстоящихъ предъ лицемъ Его грѣшниковъ и грѣшницъ, жаждущихъ прощенія и разрѣшенія отъ тяжкихъ узъ грѣха, невидимо, но властно связывающихъ внутренній міръ человѣка.

Боже мой! Какъ радовалась, какъ трепетала кающаяся душа при видѣ добраго пастыря, взявшаго на себя въ данныя минуты трудную обязанность примирителя и просителя благости Божіей къ намъ грѣшнымъ! Съ какимъ трепетомъ слушалъ народъ вдохновенныя молитвы своего мудраго наставника и какъ горячо молился вмѣстѣ съ нимъ!

Окончивъ молитвы, о. Іоаннъ звучнымъ голосомъ призвалъ всѣхъ къ чистосердечному покаянію и требовалъ отъ грѣшниковъ и грѣшницъ полнаго раскаянія, омытаго слезами скорби за свою погибающую душу, требовалъ полнаго отреченія отъ грѣховъ и невозвращенія къ нимъ, и только подъ этимъ условіемъ обѣщалъ намъ Божіе прощеніе и драгоцѣнную награду, въ видѣ причащенія пречистыхъ и животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Затѣмъ онъ перечислялъ наши многочисленныя грѣхи, грозилъ за нихъ гнѣвомъ Божіимъ и страшными безконечными муками ада и убѣждалъ насъ оставить, возненавидѣть тяжкую жизнь грѣха съ его пороками: гордостію, пьянствомъ, прелюбодѣяніемъ, завистію и жестокосердіемъ, гнѣвомъ и немилосердіемъ, скупостію и чревоугодіемъ и, возненавидѣвъ всѣ эти пороки, идти по свѣтлому и легкому пути спасенія, сіяющему различными добродѣтелями: кротостію, воздержаніемъ, цѣломудріемъ, чистотою души и тѣла, доброжелательствомъ, незлобіемъ, милосердіемъ и щедростію въ дѣлахъ добра и милости и, любя искренно Бога и ближняго, стать

достойными сынами Божіими и наслѣдниками Царства Небеснаго. Сказавъ еще нѣсколько словъ прочувствованныхъ и сердечныхъ, о. Іоаннъ строгимъ, властнымъ голосомъ громко приказалъ народу: «каяться», «плакать» и «молиться»!..—Никакой языкъ человѣческій не въ состояніи выразить того потрясающаго зрѣлища, какое произошло въ Андреевскомъ соборѣ послѣ строгаго призыва къ покаянію. Вся тысячная толпа народа мгновенно проникнулась духомъ смиренія и скорби за свою грѣховность и разразилась неудержимыми рыданіями, выходящими прямо изъ очищающихся душъ, молящихъ Господа о прощеніи и жаждущихъ пламенно своего очищенія. Рыдали буквально всѣ, безъ малѣйшаго изъятія, и вмѣстѣ съ этими воплями и стонами дивно очищались души людскія,—какъ въ горнилѣ огня очищается кусокъ золота. А онъ, вдохновитель и руководитель этого сердечнаго порыва, подвигшаго мгновенно тысячи душъ на подвиги искренняго покаянія,—что дѣлалъ онъ въ это время? Онъ стоялъ на амвонѣ передъ образомъ Спасителя и пламенно, горячо молился, испрашивая у Господа Милосерднаго прощенія всей этой массѣ громко кающагося и рыдающаго народа. Когда онъ повернулся лицомъ къ предстоящимъ, то глубокій, чистый взоръ его съ безпредѣльнымъ состраданіемъ любящаго и скорбящаго отца устремился на насъ и вдругъ... крупныя слезы градомъ покатились по лицу о. Іоанна... Онъ плакалъ о насъ! Онъ своими чистыми слезами омывалъ скверну грѣховъ нашихъ!.. Гдѣ же еще есть лучшее доказательство святой евангельской любви къ ближнему?.. Это-ли не любовь глубокая, всеобъемлющая, скорбящая, страдающая и чистосердечными слезами омывающая грѣхи ближняго своего?.. Да, о. Іоаннъ плакалъ, соединяя свои слезы съ нашими слезами, и, какъ истинно—добрый пастырь стада Христова, скорбѣлъ душею за овцы свои! А эти овцы заблудшія, согрѣшившія, увидя слезы на лицѣ своего любимаго пастыря и поняв состояніе его души въ настоящія минуты, устыдились самихъ себя и разразились еще горшими рыданіями, перешедшими прямо въ вопли стѣсненныхъ душъ, и чистая рѣка слезъ покаянія потекла еще обильнѣе къ престолу Божію, омывая въ своихъ струяхъ загрязненныя грѣхомъ души. И въ этотъ-то моментъ волненіе рыдающаго народа достигло высшей степени и готово было перейти за предѣлы возможнаго. Громадный соборъ наполнился стонами, криками и рыданіями и, казалось, весь храмъ дрожалъ отъ потрясающихъ воплей народа.

Потрясающая картина! Величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительное зрѣлище, ясно доказывающее, какъ сильна вѣра въ Бога и какъ великъ духъ русскаго народа, воздвигнутаго на добрый подвигъ покаянія вдохновенными наставленіями мудраго пастыря! Но вотъ среди толпы раздался голосъ о. Іоанна, просящаго народъ утихнуть. Послушные его голосу мы умолкли и съ радостною надеждою смотрѣли на лицо его.—«Покаялись-ли вы? Желаете-ли исправиться?»—громко спросилъ онъ трепещущую толпу.—«Покаялись, батюшка! Желаемъ исправиться! Помолись за насъ!»—единодушно, искренно грянула толпа въ отвѣтъ и смиренно наклонила головы, ожидая прощенія и разрѣшенія отъ грѣховъ чрезъ своего духовнаго отца, имѣющаго власть отъ Господа вязать и рѣшить грѣхи людскіе. Вслѣдъ за этимъ о. Іоаннъ наложилъ на смиренно—склоненную толпу епитрахиль и свою властную освященную руку въ знакъ того, что раскаявшіеся грѣшники благодатію Божіею прощены и разрѣшены отъ своихъ грѣховъ. Радостный, освобожденный отъ тяжкаго бремени, народъ вздохнулъ свободно и со слезами благодарности смотрѣлъ на кроткое, сіяющее духовнымъ торжествомъ, лицо своего добраго пастыря, выведшаго такъ благодѣтельно своихъ овецъ изъ мрачныхъ дебрей грѣха на свѣтлый путь добродѣтели къ лучезарному дому Отца Небеснаго.

Владиміръ Лебедевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Мое воспоминаніе о поѣздкѣ къ о. Іоанну въ Кронштадтъ.

(*Окончаніе**).

Было уже 11½ часовъ, когда мы возвращались изъ собора, по окончаніи общей исповѣди. Возлѣ дома о. Іоанна я замѣтилъ огромную массу нищихъ—оборванцевъ, которые размѣстились длинными рядами по обѣ стороны воротъ, ожидая возвращенія батюшки, а съ нимъ вмѣстѣ и обычнаго подаянія на пропитаніе. Нищихъ въ Кронштадтѣ, говорятъ, около трехъ тысячъ человѣкъ, и вся эта громада безприютнаго, голоднаго люда живетъ и питается щедротами и милосердіемъ о. Іоанна, свято исполняющаго и здѣсь завѣтъ евангельскій и питающаго эту меньшую братію съ любо-

*) См. № XXIII „Псков. Епарх. Вѣдомостей".

вію и заботою истиннаго отца. По возвращеніи изъ церкви, нашъ дорогой труженикъ тотчасъ выслалъ деньги нищимъ чрезъ довѣренное лицо, которое съ фонаремъ въ рукахъ и роздало подаяніе всей этой массѣ бродягъ и оборванцевъ, спокойно отправившихся на теплый ночлегъ, устроенный и приготовленный для нихъ попеченіями о. Іоанна.

Наконецъ-то окончился трудовой день нашего молитвенника. Облагодѣтельствовавъ и успокоивъ всѣхъ, онъ самъ удалился на маловременный покой, чтобы завтра встать раньше всѣхъ на молитву и снова провести и завершить день дѣлами добра, любви и милосердія.

На слѣдующій день, по данному мнѣ отъ о. Іоанна позволенію, я во время литургіи присутствовалъ въ алтарѣ. Въ обычное время послѣдовалъ выносъ Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Христовыхъ и, послѣ громогласнаго прочтенія всѣми молитвы «Вѣрую, Господи, и исповѣдую», началось благоговѣйное причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ, благодатно входящихъ въ наши очищенныя и примиренныя съ Богомъ души. Болѣе двухъ часовъ длилось причащеніе многочисленнаго народа и, наконецъ, было окончено. Послѣ благодарственной молитвы о. Іоаннъ вышелъ на амвонъ съ крестомъ въ рукахъ и радостнымъ возгласомъ поздравилъ всѣхъ съ благодатнымъ принятіемъ Тѣла и Крови Христовыхъ, во вѣки вѣковъ служащихъ освященіемъ и очищеніемъ душъ нашихъ. Сіяющій радостію народъ, съ безпредѣльною восторженною любовію къ своему дорогому наставнику, громко, единодушно выразилъ ему свою животрепещущую благодарность за поздравленіе и, подойдя ко кресту, всѣ стали расходиться по домамъ.

Часа черезъ полтора послѣ литургіи, я былъ уже на пути къ вокзалу и на одной изъ улицъ Кронштадта встрѣтилъ какъ-бы въ благословеніе своего пути о. Іоанна, начавшаго уже и на сей день посѣщать квартиры пріѣзжавшихъ, дабы отслужить молебны и, будучи въ близкомъ общеніи съ народомъ, разсѣять тутъ и тамъ безчисленные дары исцѣленій, молитвъ и милосердія, присущихъ и живущихъ въ его любвеобильномъ сердцѣ.

Да, поистинѣ чудны и горячаго уваженія достойны дѣла, которыя творитъ Кронштадскій пастырь, умѣющій такъ «достойно носить званія, на немъ онъ признанъ!» У него нѣтъ времени ни для обѣда, ни для покоя,—онъ неустанно занятъ. Больныхъ под-

крѣпляетъ онъ молитвою, бѣдныхъ спасетъ отъ голода, падшихъ возстановляетъ и несчастныхъ утѣшаетъ. Каждый день и каждый часъ его благотворной дѣятельности можетъ служить намъ жизненнымъ примѣромъ, и блаженъ будетъ тотъ, кто послѣдуетъ его примѣру и также самоотверженно посвятитъ себя пламенной любви къ Богу и ближнему, какъ посвятилъ ей всего себя нашъ добрый пастырь и неустанный труженникъ на благо и пользу ближняго.

Заканчиваю свои впечатлѣнія искреннею молитвою къ Богу, создавшеюся въ моей душѣ подъ свѣтлымъ вліяніемъ всего видѣннаго и слышаннаго мною въ Кронштадтѣ, и восклицаю въ порывѣ сердечномъ: «дай, Господи, здравія и долгодействія на многіе, многіе годы нашему доброму пастырю, покровителю и молитвеннику! Подай ему, Господи, силы тѣлесныя на долгіе, долгіе годы для прохожденія по избранному имъ пути добродѣтели, дабы и мы, видя его свѣтлый примѣръ, возвышались духомъ надъ страстями и пороками и, идя вслѣдъ за нимъ его стезею и упиваясь благодатною струею живой воды его поученій, содѣлались достойными любви Божіей и, пройдя невозбранно путь земной, удостоились добраго отвѣта на страшномъ судѣ Христовомъ».

Владиміръ Лебедевъ.